
Пропаганда советских космических достижений в 1960–1970-х гг.: формы, способы, ограничения

Владимир Комиссаров

Propaganda of Soviet space achievements in the 1960s and 1970s: forms, methods, restrictions

Vladimir Komissarov
(*Ivanovo State Agricultural Academy, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23010121, EDN: PPLFPK

Одной из важнейших задач советской научно-популярной периодики являлась пропаганда достижений науки и техники. Особенное значение она приобрела в 1950–1970-х гг., когда СССР мог похвастаться прорывами в таких областях, как космонавтика, авиация, ядерная физика и атомная энергетика. В своих предыдущих публикациях я уже затрагивал проблему цензурного контроля освещавших их текстов¹. Общие выводы можно сформулировать следующим образом. Научно-популярный жанр в рассматриваемое время переживал расцвет, став, наряду с научной фантастикой, авторской песней, походным туризмом и др., одной из сфер самореализации советской интеллигенции. Цензурный контроль над этой сферой исходил из приоритета политико-идеологических целей и задач. При этом в процесс контроля, помимо собственно цензурных, вовлекалось множество других структур, включая партийные органы, госбезопасность, разнообразные министерства и ведомства, а также ведущие институты и предприятия данных отраслей. Однако заявленная тема настолько широка, что её несколькими публикациями не исчерпать. В данном исследовании я уделю внимание анализу организации пропаганды научно-технических достижений в СССР и методов цензурных ограничений. Статья основана на документах из фондов ГА РФ и РГАСПИ.

Организация научно-технической пропаганды. К 1960-м гг. в СССР сформировался круг периодических изданий, специализировавшихся на научной популяризации. Это, прежде всего, «старые» журналы – «Наука и жизнь», «Техника – молодёжи», «Знание – сила». В 1950–1960-х гг. к ним добавились «Юный техник», «Моделист-конструктор», «Химия и жизнь». Конечно, в структуре советской печати издания этой направленности занимали далеко не первое место. Например, в системе комсомольской периодики, выпускавшейся издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», существовала градация, определявшая зарплаты сотрудников редакций и гонорары авторов. Научно-популярные издания относились к третьей, предпоследней категории (в то время как общественно-политические, научно-теоретические и литературно-художественные СМИ принадлежали к первой и второй²). Каждое ориентировалось на конкретную

© 2023 г. В.В. Комиссаров

¹ Комиссаров В.В. Интеллигенция, научно-популярная публицистика и цензура в 1960–1980-е годы // Интеллигенция и мир. 2017. № 3. С. 33–52; Комиссаров В.В. Главлит и научно-популярная публицистика в СССР во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 116–127.

² РГАСПИ, ф. 85, оп. 1, д. 2, л. 1.

возрастную группу. По данным «прессового опроса»³, проведённого во второй половине 1980-х гг., средний возраст читателей «Юного техника» составил 13,9 лет; «Техники — молодёжи» — 22,3; «Моделиста-конструктора» — 21,9 года. При этом возрастной диапазон 11–16 лет перекрывался всеми тремя журналами⁴. Следует учесть, что за рамками данного исследования осталась продукция других издательств, ориентированная на более взрослую аудиторию, в частности журналы «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Знание — сила». Однако можно уверенно говорить о том, что научно-популярные издания и, следовательно, пропаганда научных и технических достижений охватывали советских читателей всех возрастов.

Изучение журналов 1950–1960-х гг. указывает на наличие как минимум двух вариантов такого рода работы. Во-первых, это случаи, когда форма, объём и сроки определялись редакцией самостоятельно. Такой вывод можно сделать на основании несовпадения сроков публикации в разных изданиях, различного оформления, степени внимания. Например, на появление в СССР крупнейшего на тот момент транспортного самолёта «Ан-22» первой отозвалась «Наука и жизнь», поместив материал об «Антее» в октябрьском номере 1965 г.⁵ «Техника — молодёжи» запоздала почти на полтора года, опубликовав аналогичную информацию в марте 1967 г.⁶ «Моделист-конструктор» же удостоил «Ан-22» вниманием только в декабре 1967 г.⁷

Во-вторых, это централизованная пропаганда, т.е. тексты, совпадающие по форме подачи материала и синхронизированные по срокам. Так, на рубеже 1970–1971 гг. на страницах «Науки и жизни», «Техники — молодёжи» и «Моделиста-конструктора» появились схожие по оформлению публикации об экспедициях автоматических станций «Луна-16» и «Луна-17». Как и в случае с «Ан-22», первой выступила «Наука и жизнь» (ноябрь 1970 г.)⁸, затем, синхронно, остальные (январь 1971 г.)⁹. Конечно, в данном случае следует учесть общественный резонанс. Автоматическая доставка лунного грунта «Луной-16» и отправка первого «Лунохода» виделись достойным ответом заокеанским конкурентам и, безусловно, требовали широкого освещения. Но порой появление схожих материалов в разных журналах сложно объяснить исключительно редакционным решением. В майских номерах 1970 г. «Науки и жизни» и «Техники — молодёжи», очевидно, в связи с празднованием 25-летия победы в Великой Отечественной войне, были напечатаны иллюстрированные статьи, посвящённые советскому подводному ракетно-носному флоту¹⁰. Конечно, можно также вспомнить о завершении в мае 1970 г. стратегических маневров ВМФ

³ Опрос, анкета которого публиковалась в прессе, а именно в перечисленных изданиях: «Техника — молодёжи», «Юный техник», «Моделист-конструктор».

⁴ РГАСПИ, ф. 84, оп. 1, д. 10, л. 30–33.

⁵ *Пинко Д.* Крылатый исполин // Наука и жизнь. 1965. № 10. С. 42–45.

⁶ Антей — новое детище генерального авиаконструктора, лауреата Ленинской премии, члена-корреспондента АН УССР Олега Антонова // Техника — молодёжи. 1967. № 3. С. 19–21. Следует отметить, что ранее журнал всё же публиковал об «Ан-22» короткие заметки.

⁷ *Потамошнев А., Шульженко А.* Крылатый гигант // Моделист-конструктор. 1967. № 12. С. 4–8.

⁸ Выдающийся космический эксперимент // Наука и жизнь. 1970. № 11. С. 17–19.

⁹ Триумф космической техники // Техника — молодёжи. 1971. № 1. С. 6–11; *Молчанов А.* Стартуют «Лунники» // Моделист-конструктор. 1971. № 1. С. 4–5.

¹⁰ *Сорокин А.* Подводная атомная... // Наука и жизнь. 1970. № 5. С. 26–31; *Рудницкий А.* Крейсера идут под водой // Техника — молодёжи. 1970. № 5. С. 14–17.

СССР «Океан», однако подобные события традиционно освещались в армейской прессе (газета «Красная звезда», окружные и флотские издания), а не в популярных изданиях.

Особняком стоят публикации о зарубежных достижениях. Идеологические органы и подразделения цензуры (прежде всего Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР – Главлит) требовали первоочередного внимания к отечественным разработкам. В силу этого освещение успехов конкурентов искусственно сдерживалось. Например, 20 марта 1969 г. вышел циркуляр за подписью начальника Главлита П.К. Романова, согласно которому материалы о полёте американского корабля «Аполлон-9» разрешалось публиковать только после согласования с АН СССР¹¹. Тем не менее редакторы научно-популярных изданий обладали определённой свободой и могли действовать по своему усмотрению. В течение 1969 г. «Техника – молодёжи» дала в печать два богато иллюстрированных разворота об американской лунной программе: обзорную публикацию и статью, посвящённую экспедиции «Аполлона-11»¹². «Наука и жизнь» действовала более осмотрительно: материалы по полётам «Аполлона-9» и «Аполлона-10» размещены в «подвале» и меньшим, чем основное содержание, кеглем¹³. Миссия «Аполлона-11» удостоилась разворота, но без цветных иллюстраций¹⁴. Столь же скромно полёт астронавтов на Луну осветил «Юный техник»: две страницы, что при малом формате журнала совсем немного¹⁵. «Моделист-конструктор» вообще не удостоил это событие вниманием, что, впрочем, не противоречило специализации журнала. Не следует также забывать, что информация о полётах на Луну появлялась в советских ежемесячных изданиях с опозданием в 2–3 месяца.

Однако и при освещении зарубежной космической программы можно говорить о централизованном директивном размещении материалов. Например, в ноябре 1974 г. «Техника – молодёжи» и «Наука и жизнь» напечатали подробные статьи об американской программе «Space Shuttle» с цветными иллюстрациями¹⁶. Если учесть, что разработка «Челнока» в США находилась в начальной фазе, эту синхронизацию публикаций сложно объяснить простым совпадением. Тем более что автором статьи в «Науке и жизни» выступил лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза В.А. Шаталов – один из руководителей программы «Союз–Аполлон».

Представление об организации научно-технической пропаганды позволяет составить документ из фонда Главлита – «План освещения органами пропаганды полёта объекта “ДОС”»¹⁷. Это шесть страниц машинописи в альбомной ориентации. На титуле – утвердительные визы президента АН СССР М.В. Келдыша и председателя государственной комиссии К.А. Керимова, а также согла-

¹¹ ГА РФ, ф. 9425, оп 1, д. 1320, л. 28.

¹² Проект «Аполлон» // *Техника – молодёжи*. 1969. № 6. С. 32–33; Орлов В. Как были сделаны первые шаги по Луне // *Техника – молодёжи*. 1969. № 10. С. 35–36.

¹³ «Аполлон» – продолжение следует // *Наука и жизнь*. 1969. № 7. С. 44–45.

¹⁴ Экспедиция на Луну // *Наука и жизнь*. 1969. № 9. С. 20–21.

¹⁵ Посадка и взлёт // *Юный техник*. 1969. № 10. С. 38–39.

¹⁶ Шаталов В. На самолёте в космос // *Наука и жизнь*. 1974. № 11. С. 25–33; Пинко Д. Проект «Космический челнок» // *Техника – молодёжи*. 1974. № 11. С. 30–33.

¹⁷ ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 1401, л. 7–12. Полный текст документа опубликован: Комиссаров В.В. Приёмы советской научно-технической пропаганды на примере плана освещения в СМИ полёта орбитальной станции «Салют» // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2021. № 3. С. 533–543.

сования с первым заместителем министра общего машиностроения Г.А. Тюлиным, представителем ракетных войск А.Г. Карасём и руководителем подготовки космонавтов Н.П. Каманиным. Документ подробно, в табличной форме расписывает освещение в открытой печати полёта первой советской долговременной орбитальной станции «Салют».

План интересен тем, что привносит в историю создания станции новые факты¹⁸. Он содержит 11 пунктов, некоторые из них детализированы в 14 подпунктах. В документе перечислены способы освещения экспедиции: сообщения ТАСС о запуске станции и кораблей, о биографиях космонавтов, о ходе работы экипажей и автоматическом полёте ДОС, о возвращении на Землю; передачи Центрального телевидения (прямые репортажи с борта станции, видеозаписи выступлений космонавтов перед полётом, репортажи, отклики, комментарии); официальная статья о данном космическом эксперименте и публикации в научно-популярных изданиях; пресс-конференция для советских и иностранных журналистов; «открытые» кино- и телефильмы о полёте.

Для каждого вида пропаганды установлены сроки. Официальные сообщения о запусках и биографии космонавтов шли в печать в день старта; информации ТАСС о ходе полёта — каждые пять дней; данные о здоровье космонавтов — ежедневно. На публикацию официальной итоговой статьи отводилось десять дней после окончания миссии, а кино- и телефильм должны были выйти на экраны спустя месяц. Также определялись ответственные за каждый вид публикации — организации, должностные лица, обязанные представить материал, и люди, наделённые правом визировать информацию. За сообщения ТАСС несли ответственность головные ведомства ракетно-космической отрасли: Центральный научно-исследовательский институт машиностроения (ЦНИИМАШ, директор Ю.А. Мозжорин) и Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (заместитель главного конструктора П.В. Цыбин). За биографии космонавтов отвечали также Военно-воздушные силы и Министерство общего машиностроения. Участие Министерства связано, вероятно, с тем, что не все космонавты, готовившиеся к полёту, были военными — некоторые из них являлись гражданскими специалистами ракетно-космической отрасли. В части телевизионных репортажей к освещению подключались Госкомитет СССР по телевидению и радиовещанию, АН СССР, Министерство здравоохранения (если информация касалась состояния здоровья космонавтов). На фильмовой стадии привлекались Центральное телевидение и Центрнаучфильм.

Таким образом, научно-технические достижения освещались централизованно, с привлечением широкого круга исполнителей по достаточно подробным планам, отступление от которых вряд ли было возможно без тщательного согласования. Этим во многом и объясняется наличие стандартизированных публикаций в научно-популярных изданиях.

¹⁸ Этот документ ставит под сомнение широко распространённую информацию, что станцию изначально предполагалось назвать «Заря»: в плане она именуется «Мир» (станцию с таким названием запустили только в 1986 г.). Также не подтверждается версия о подготовке трёх экспедиций на «Салют»: третий полёт якобы отменили после трагедии «Союза-11». В «Плане» предполагается освещение только двух пилотируемых кораблей: «Союза-10» и «Союза-11». Оба полёта состоялись, правда, их сложно признать полностью успешными. Как известно, «Союз-10» состыковался со станцией, но экипаж не смог перейти на неё, а космонавты «Союза-11» отработали на «Салюте» положенный срок, но погибли при возвращении на Землю из-за технической неисправности.

Цензурный контроль в сфере научно-технической пропаганды. В СССР функционировала разветвлённая система цензурных органов. Во главе стоял Главлит, которому подчинялись территориальные органы цензуры: главлиты союзных и автономных республик, краевые и областные управления – край- и обллиты. Существовали смежные цензурные структуры, например, управление военной цензуры Генерального штаба, цензура пограничных войск КГБ. В 1969 г. появилась цензура Министерства внутренних дел СССР, организованная по образцу военной¹⁹. При этом Главлит мог действовать достаточно автономно: ещё в 1957 г. решением ЦК КПСС его работников вывели из-под контроля госбезопасности. Более того, о каждом несанкционированном контакте с сотрудниками КГБ они обязаны были докладывать своему руководству²⁰.

Деятельность цензуры определялась рядом нормативных подзаконных актов, прежде всего «Перечнем сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». Данный сравнительно небольшой документ утверждался правительством СССР и обычно издавался в качестве приложения к Уголовному кодексу РСФСР. Последнюю опубликованную редакцию утвердили 28 апреля 1956 г.²¹ С конца 1950-х гг. открытая печать подобных актов прекратилась.

Основным рабочим документом являлся «Перечень сведений, запрещённых к опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению» («Перечень Главлита»). Он представлял собой объёмный документ для служебного пользования, который обновлялся раз в несколько лет. Составление новой редакции Перечня проводилось с учётом мнений заинтересованных ведомств. К 1970-м гг. объём цензурируемой информации увеличился настолько, что потребовал создания специализированных списков. Так, в первой половине 1970-х гг. появился «Перечень сведений в области исследования космического пространства и ракетно-космической техники, запрещённых к открытой печати». В дополнение к перечням существовали разного рода «указатели» и «списки»: «Указатель электронно-вычислительных машин, сведения о которых разрешаются к открытому опубликованию»²², «Список марок самолётов, вертолёт, авиадвигателей и глубоководных аппаратов, разрешённых в установленном порядке к показу в открытой печати»²³, и др. Ещё одним видом закрытых нормативных актов можно считать «Оперативные указания руководства по цензурному контролю». Они содержали вопросы, не урегулированные в действующей редакции Перечня или возникшие в связи с изменением обстановки.

Кроме того, в вопросах цензуры научно-технической информации Главлит действовал бок о бок с ведомственной цензурой. В одной из публикаций уже отмечалось, что в каждой отрасли существовало головное учреждение, имевшее право визировать открытые публикации по своей тематике²⁴. В ракетно-космической отрасли это был ЦНИИМАШ. 15 мая 1969 г. руководство Главлита оперативным указанием запретило публиковать материалы по истории

¹⁹ ГА РФ, ф. 9425, оп. 2, д. 508, л. 45.

²⁰ Там же, оп. 1, д. 1286, л. 44.

²¹ Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1957. С. 143–145.

²² ГА РФ, ф. 9425, оп. 2, д. 578, л. 52–66.

²³ Там же, д. 890, л. 141–146.

²⁴ *Комиссаров В. В.* Главлит и научно-популярная публицистика... С. 118.

советского ракетостроения без визы Мозжорина²⁵. Таким образом, позиция ведомственной цензуры в вопросах научно-технических публикаций стала решающей. Для контроля в ЦНИИ существовала группа по визированию материалов, которая во внутренних документах Главлита порой прямо именуется «группой Мозжорина»²⁶. Её состав и численность постоянно менялись, а члены имели специализацию. Например, приказом от 20 апреля 1971 г. директор ЦНИИМАШ назначил трёх человек, наделённых правом визировать открытые публикации, ответственного за допуск материалов по истории ракетостроения и специалиста по телевизионным передачам²⁷. 24 января 1973 г. состав группы увеличился до девяти человек, причём трое из них получили исключительное право визировать материалы по истории ракетно-космической техники²⁸.

Сотрудники ЦНИИМАШ контролировали не только публикации в научно-популярных изданиях. В сферу их внимания попадала также кино- и телепродукция. Так, в 1971 г. члены «группы Мозжорина» совместно с работниками Главлита просмотрели фильм Ленинградской студии телевидения «О моём друге», посвящённый Гагарину, и отправили его на доработку, в первую очередь из-за упоминаний об участии в советской космической программе военных²⁹. Внимания удостоивались произведения художественной литературы по соответствующей тематике. В марте 1967 г. Министерство культуры представило на контроль пьесу «Генеральный конструктор». Прототипом её главного героя, конструктора Иванова, выступил С.П. Королёв. Главлит направил произведение в Министерство общего машиностроения, откуда оно перекечовало в ЦНИИМАШ. Институт подвёл черту под мытарствами драматургов, запретив пьесу к постановке³⁰. Через горнило ведомственной цензуры прошёл сценарий известного фильма «Укрощение огня». Согласно главлитовскому документу, первоначальный вариант сценария содержал эпизод с пребыванием главного героя Башкирцева в тюрьме³¹, отражавший реальный факт из биографий его прототипов – Королёва и В.П. Глушко. Из окончательной версии данный фрагмент удалили.

Ведомственная цензура по космической тематике включала в себя Главного военного цензора, а также «группу товарища Лебедева», действовавшую в системе АН СССР и контролировавшую публикации по астрономии, в том числе фундаментальные издания. Так, в 1973 г. из третьего издания Большой советской энциклопедии исключили упоминание о космодромах в Плесецке и Капустином Яре, допустив только информацию о Байконуре³². Для оперативного визирования открытых публикаций во время проведения длительных резонансных полётов при ТАСС создавали межведомственные группы экспертов³³.

²⁵ ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 1316, л. 8.

²⁶ Там же, д. 1392, л. 42.

²⁷ Там же, д. 1401, л. 6.

²⁸ Там же, д. 1463, л. 13–14.

²⁹ Там же, д. 1392, л. 42.

³⁰ Там же, д. 1257, л. 13.

³¹ Там же, д. 1354, л. 87.

³² Там же, д. 1459, л. 105. Парадоксально, но запрет на упоминание космодрома в Плесецке не распространялся на закрытый город Мирный (центр космодрома). В 1969 г. руководитель Главлита Романов на одном из совещаний критиковал сотрудников Архангельского обллита за удаление информации о нём из открытой публикации: «Город нельзя спрятать» (Там же, д. 1318, л. 60).

³³ Там же, д. 1401, л. 12.

Люди и псевдонимы. Особенность советской космической программы — засекречивание имён конструкторов техники. В открытых публикациях использовались различного рода эвфемизмы, например, «главный конструктор» или «главный теоретик». Зачастую это касалось людей, чья роль не вызывала сомнения. Так, в 1971 г. к 10-летию полёта Гагарина готовилось второе издание документальной повести А.П. Романова «Конструктор космических кораблей», в котором автор решил привести вместо «главный теоретик» и «руководитель ОКБ» фамилии Келдыша и Глушко. Цензура не разрешила публикацию в подобном формате³⁴. Если в случае с Глушко, чье имя было «не на слуху», это и можно считать оправданным, то роль и значение президента Академии наук в космических исследованиях уже не составляли особого секрета.

Другим способом соблюдения секретности стало использование в открытых публикациях псевдонимов, как правило, образованных незатейливым способом от имени. Например, Сергей Павлович Королёв фигурировал как «профессор К. Сергеев». Подобная практика продолжалась и позднее. В 1971 г. в журнале «Советский Союз» (ориентированном преимущественно на зарубежную аудиторию) появилась статья о новом космическом корабле, подписанная «главным конструктором кораблей “Союз”», которым был преемник Королёва В.П. Мишин. После согласования с Министерством общего машиностроения Главлит разрешил публикацию под псевдонимом. И здесь эксперты не проявили оригинальности, обозначив Василия Павловича как «профессора Васильева»³⁵. Под этой же фамилией — «М.П. Васильев» — Мишин фигурировал в роли председателя редакционной коллегии книги по итогам полёта орбитальной станции «Салют» (причём остальные пять членов редколлегии прошли под собственными именами)³⁶.

Распространена точка зрения, что после смерти Королёва запрет на упоминание его имени в печати сняли. Однако архивные документы показывают, что формально этот запрет действовал и позднее, создавая известные сложности для авторов научно-популярных текстов и фильмов. Так, в показанной в 1968 г. на Центральном телевидении картине «Люди и космос» есть кадры с Королёвым, где закадровый дикторский голос называет фамилию учёного, но нет ни слова о его вкладе в развитие космонавтики. У непосвящённого зрителя может сложиться впечатление, что некий посторонний мужчина отдаёт в микрофон стартовые команды. Только 8 июля 1969 г. (спустя более чем три года после смерти) Перечневая комиссия Главлита разрешила упоминать его как главного конструктора советских космических кораблей³⁷.

Псевдонимами приходилось пользоваться не только руководителям конструкторских бюро и секретных НИИ, но и сотрудникам «калибром поменьше». Например, О.Г. Ивановский, работавший сначала в КБ Королёва, а затем — у Г.Н. Бабакина, на рубеже 1960–1970-х гг. подготовил книгу воспоминаний, сначала публиковавшуюся фрагментами в газете «Правда», потом вышедшую полностью в серии «Эврика» издательства «Молодая гвардия». Во всех изданиях автор значился под псевдонимом «А. Иванов». Причём он проходил под этой фамилией даже во внутренних документах Главлита (публикация в «Правде» вызвала нарекания цензуры из-за указания местоположений КБ и опытного

³⁴ Там же, д. 1392, л. 29.

³⁵ Там же, л. 30.

³⁶ Салют на орбите. М., 1973.

³⁷ ГА РФ, ф. 9425, оп. 2, д. 512, л. 19.

завода)³⁸. Использование псевдонима нарушило стандартное серийное оформление: в двух изданиях воспоминаний Ивановского на последней странице обложки отсутствовали обязательные для изданий «Эврики» фото и краткая информация об авторе³⁹. Псевдоним не раскрывался и в редакционном каталоге 1977 г.⁴⁰ Только во второй половине 1980-х гг. Ивановский, оказавшийся плодовитым мемуаристом, смог выступать в печати под своей фамилией.

Показательно, что это разительно отличалось от ситуации в советской авиации. Руководители КБ, главные и генеральные конструкторы не только не скрывались, но напротив всячески прославлялись в прессе, а с конца 1930-х гг. применялась система индексации летательных аппаратов по начальным буквам фамилий их создателей.

Всё вышеперечисленное на новом материале подтверждает вывод исследователей о существовании в СССР рассматриваемого периода «всецензуры» (термин американской исследовательницы М.Т. Чолдин)⁴¹. В процесс визирования открытых публикаций вовлекалось огромное количество ведомств, НИИ, КБ и предприятий. Причём провести грань между цензурой и пропагандой сложно. Система была выстроена так, что лица и учреждения, ответственные за предоставление информации, одновременно занимались и её цензурованием, и допуском к открытой публикации. Централизованный характер научно-технической пропаганды не оставлял места для дискуссий. СМИ воспринимались исключительно как «органы пропаганды», другой задачи им не ставилось. Конечно, это не означало отсутствия споров в экспертном сообществе, однако они проходили в закрытом режиме, даже не все специалисты знали их подробности. Кроме того, сложный и многоступенчатый характер прохождения материалов приводил к тому, что в ежемесячных популярных журналах информация о новейших достижениях могла появляться с опозданием в несколько месяцев, особенно когда это касалось зарубежной космической программы.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 1303, л. 55.

³⁹ *Иванов А.* Первые ступени. М., 1970; Изд. 2. М., 1975.

⁴⁰ Эврика. 1965–1976. Каталог. М., 1977. С. 152–153, 276–277.

⁴¹ *Горяева Т.М.* Проблемы публикации документов по истории советской политической цензуры // Проблемы публикации документов по истории России XX века. Материалы всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. М., 2001. С. 115.